

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ПАМЯТНИКИ
ПИСЬМЕННОСТИ
ВОСТОКА**

СXXXVII

Серия основана в 1965 году

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

**ПАМЯТНИКИ
МАЛАЙСКОЙ КНИЖНОСТИ
XV–XVII вв.**

**ПОВЕСТЬ
О ПОБЕДОНОСНЫХ ПАНДАВАХ**

**Бухари ал-Джаухари
КОРОНА ЦАРЕЙ**

Перевод с малайского,
исследования, комментарии,
приложения и указатели
Л. В. Горяевой

Москва
2011

УДК 821.595
ББК 84(5Маз)
П15

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 10-04-16145д*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

*А.Б.Куделин (председатель), Е.И.Кычанов (зам. председателя),
И.Ф.Попова (зам. председателя), Н.С.Яхонтова (секретарь), В.М.Алпатов,
С.М.Аникеева, М.И.Воробьева-Десятовская, М.А.Дандамаев,
Ю.А.Иоаннесян, С.Г.Кляшторный, В.С.Мясников, М.Б.Пиотровский,
С.М.Прозоров, Б.Л.Рифтин, И.М.Стеблин-Каменский,
А.Ф.Троцевич, А.Д.Цендина, О.М.Чунакова*

· Ответственные редакторы
А.К.Оглоблин, О.Ф.Акимущин

Памятники малайской книжности XV–XVII вв. : Повесть о победоносных Пандавах ; Бухари ал-Джаухари. Корона царей / пер. с малайского, исслед., коммент., прил. и указ. Л.В. Горяевой ; Ин-т востоковедения РАН. — М. : Вост. лит., 2011. — 646 с. — (Памятники письменности Востока. СXXXVII / редкол.: А.Б.Куделин (пред.) и др.). — ISBN 978-5-02-036355-7 (в пер.)

Издание вводит в научный обиход российских исследователей — историков, культурологов, религиоведов и филологов — два выдающихся памятника малайской книжности: «Повесть о победоносных Пандавах» (XV в.) и «Корону царей» («Гадж ас-салатин») Бухари ал-Джаухари (1603 г.). На примере этих двух источников, каждый из которых явился первым образцом своего жанра («театральных повестей» и зеркала для правителей соответственно), можно проследить особенности становления и развития малайской прозы в XV–XVII вв.

© Горяева Л.В., 2011
© Институт востоковедения РАН, 2011
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2011

ISBN 978-5-02-036355-7

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959–1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Каталог серийных изданий. 1959–1985». М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога.

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1986.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1987.
- XXXII, 6. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1992.
- XXXII, 7. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VII. Пер. с китайского Р.В.Вяткина. Коммент. Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина. Предисл. Р.В.Вяткина. М., 1996.
- XXXII, 8. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VIII. Пер. с китайского Р.В.Вяткина и А.М.Карапетьянца, коммент. Р.В.Вяткина, А.Р.Вяткина и А.М.Карапетьянца, вступит. статья Р.В.Вяткина. М., 2002.
- XXXII, 9. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IX. Пер. с китайского и коммент. под ред. А.Р.Вяткина, вступит. статья А.Р.Вяткина.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. I. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К.К.Курдоева и Ж.С.Мусаэлян. М., 1986.
- LXXIII, 2. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. Изд. текстов, исслед., пер. с санскрита и коммент. Г.М.Бонгард-Левина и М.И.Воробьевой-Десятковской. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXIV).
- LXXIII, 3. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г.М.Бонгард-Левина, М.И.Воробьевой-Десятковской, Э.Н.Темкина. М., 2004 (Bibliotheca Buddhica. XL).
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И.С.Гуревич. Вступит. статья Л.Н.Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М.О.Дарбинян-Меликян и Л.А.Ханларян. Вступит. статья С.С.Аверинцева. М., 1988.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Палака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И.Е.Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1987.
- LXXXI, 1–4. Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И.Кычанова. В 4-х кн.
Кн. 1. Исследование. М., 1987.
Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1–7). М., 1987.
Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8–12). М., 1989.
Кн. 4. Факсимиле, пер., примеч. и глоссарий (гл. 13–20). М., 1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сань-цзан шюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л.К.Павловской. М., 1987.
- LXXXIII. 'Аджа'иб ад-дунйа (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л.П.Смирновой. М., 1993.
- LXXXIV. 'Али ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ал ал-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей

- разных вер). Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С.М.Прозорова. М., 1988.
- LXXXV. Аннамхатта. Тарка-санграха («Свод умозрений») и Тарка-диника («Разъяснение к своду умозрений»). Пер. с санскрита, введ., коммент. и историко-философские исслед. Е.П.Островской. М., 1989.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.И.Рудого. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXV).
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Изд. текста, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прил. К.Б.Кепинг. М., 1990.
- LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А.В.Парибка. М., 1989 (Bibliotheca Buddhica. XXXVI).
- LXXXIX. Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадзисё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н.Г.Анариной. М., 1989.
- XC. История Чойджид-дагони. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А.Г.Сазыкина. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXVII).
- XCI. Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1990.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с персидского, введ. и примеч. Е.И.Васильевой. М., 1990.
- XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. Введ., транскрипция, пер., коммент., глоссарий и указатели О.М.Чунаковой. М., 1991.
- XCv. Кабир. Грантхавали (Собрание). Пер. с браджа и коммент. Н.Б.Гафуровой, введ. Н.Б.Гафуровой и Н.М.Сазановой. М., 1992.
- XCVI. Ме'ор айин («Светоч глаза»). Караимская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. Изд. текста, пер., исслед. и коммент. М.Н.Зислина. М., 1990.
- XCvII. Норито. Сэммё. Пер. со старояпонского, коммент. и предисл. Л.М.Ермаковой. М., 1991.
- XCvIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с персидского А.Н.Болдырева при участии С.Е.Григорьева. Введ. А.Н.Болдырева и С.Е.Григорьева. Примеч. и прил. С.Е.Григорьева. М., 1997.
- XCIX. Хуэй цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Раздел 1. Переводчики. Пер. с китайского, исслед. и коммент. М.Е.Ермакова. М., 1991 (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII).
- C. Биджой Гупто. Сказание о Падме (Подмапуран). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 1992.
- CII. Каталог Петербургского рукописного «Ганджура». Сост., введ., транслитерация и указатели З.К.Касьяненко. М., 1993 (Bibliotheca Buddhica. XXXIX).
- CIV. Мухаммад ибн ал-Харис ал-Хушани. Книга о судьях (Китаб ал-кудат). Пер. с арабского, предисл. и примеч. К.А.Бойко. М., 1992.
- CV, 1. Угаритский эпос. Введ., пер. с угаритского и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1993.
- CV, 2. О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования. Пер. с угаритского, введ. и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1999.
- CVI. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Часть II. О науке рифмы и критики поэзии. Пер. с персидского, введ. и коммент. Н.Ю.Чалисовой. М., 1997.

- CVII. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с арабского, коммент. и введ. З.М.Буниятова. М., 1996.
- CIX. Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). Пер. с санскрита, введ., коммент. и реконструкция системы Е.П.Островской и В.И.Рудого. М., 1992.
- CX. Малик Шах-Хусайн Систани. Хроника воскрешения царей (Та'рих-и ихйа' ал-мулук). Пер. с персидского, предисл. и коммент. Л.П.Смирновой. М., 2000.
- CXI. Ватсьяна Малланага. Камасутра. Пер. с санскрита, вступит. статья и коммент. А.Я.Сыркина. М., 1993.
- CXII. Джаядева. Гитаговинда. Пер. с санскрита, вступит. статья, коммент. и прил. А.Я.Сыркина. М., 1995.
- CXIII, 1. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 1. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 1997.
- CXIII, 2. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 2. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 2002.
- CXIV. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М.Чунаковой. М., 1997.
- CXV. Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указатели Е.Б.Смагиной. М., 1998.
- CXVI. Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Пер. с арабского В.В.Матвеева, Л.Е.Куббеля, М.А.Толмачевой при участии Н.А.Добронравина. Предисл. М.А.Толмачевой. Издание подготовлено Н.А.Добронравина и В.А.Половым. М., 2002.
- CXVII. Запись у алтара о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с тангутского, вступит. статья, коммент. и словарь Е.И.Кычанова. М., 2000.
- CXVIII. История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского, введ., коммент., прил. А.Д.Цендиной. М., 1999.
- CXX. Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи. Транслитерация, введение, пер. с ойратского, словарь с коммент., прил. Н.С.Яхонтовой. М., 2010.
- CXXI. Смешанные знаки [трех частей мироздания]. Факсимиле ксилографа. Вступит. статья, пер. с тангутского А.П.Терентьева-Катанского под ред. М.В.Софронова. Реконструкция текста, предисл., исслед. и коммент. М.В.Софронова. М., 2002.
- CXXII. О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си. Пер. с китайского А.С.Мартынова и И.Т.Зюграфа, вступит. статья и коммент. к пер. А.С.Мартынова, грам. очерк И.Т.Зюграфа. М., 2002.
- CXXIII. Сутры философии Ньяя (Ньяя-сутры и Ньяя-бхашья). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.К.Шохина. М., 2001.
- CXXIV. Толкование Корана (Лахорский тафсир). Пер. с персидского, примеч. и указ. Ф.И.Абдуллаевой. М., 2001.
- CXXV, 1. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I. Пер. с китайского, введ. и коммент. Ю.Л.Кроля. М., 2001.
- CXXV, 2. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. II. Пер. с китайского, коммент. и прил. Ю.Л.Кроля. М., 2001.
- CXXVI. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О.М.Чунаковой. М., 2001.

- CXXXVII. Сутра Общины белого лотоса: тюркская версия. Факсимиле рукописи. Транскрипция текста. Пер. с раннесредневекового тюркского языка, предисл., примеч., указ. слов Л.Ю.Тугушевой. М., 2008.
- CXXXVIII, 1. Махмуд йл-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3-х томах. Т. 1. Пер. с араб. А.Р.Рустамова под ред. И.В.Кормушина, предисл. и введ. И.В.Кормушина, примеч. И.В.Кормушина, Е.А.Попелуевского, А.Р.Рустамова. М., 2010.
- CXXXIX. Повесть о махарадже Маракарме. Факсимиле рукописи. Транслитерация, пер. с малайского, исслед., коммент. и прил. Л.В.Горяевой. М., 2008.
- CXXX, 1. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8-ми томах. Т. 1. Пер. с ханвьета К.Ю.Леонова, А.В.Никитина. Предисл., вступ. ст., коммент. и указ. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина при участии В.И.Антощенко, М.Ю.Ульянова, А.Л.Федорина. М., 2002.
- CXXX, 2. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8-ми томах. Т. 2. Пер. с ханвьета, коммент., предисл. и прил. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина и А.Л.Федорина. Вступит. статья А.Л.Федорина. М., 2010.
- CXXXI. Чжоу Цюй-фэй. За Хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. М.Ю.Ульянова. М., 2001.
- CXXXII. Вишну-смрити. Пер. с санскрита, предисл., коммент. и прил. Н.А.Корневой. М., 2007.
- CXXXIII. Агван Доржиев. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света (Автобиография). Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского А.Д.Цендиной. Транслитерация, предисл., коммент., глоссарий и указ. А.Г.Сазыкина, А.Д.Цендиной. М., 2003.
- CXXXIV. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди (Чондимонгол). Сказание о Дхонопоти (Дхонопоти упакхан). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 2004.
- CXXXV, 1. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3-х томах. Т. 1. Книги I–VII. М., 2005.
- CXXXV, 2. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3-х томах. Т. 2. Книги VIII–XII. М., 2007.
- CXXXV, 3. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3-х томах. Т. 3. Книги XIII–XIX. М., 2010.
- CXXXVI, 1. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел 1. Небесные чиновники. Цзюань 1. Пер. с кит., вступит. статья, коммент. и прил. С.Кучеры. М., 2010.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

- I, 3. Ким Бусик. Самгук саги. Разные описания. Биографии. Издание текста, пер., вступит. статья, коммент., прил. под общей ред. М.Н.Пака и Л.Р.Концевича. М., 2002.

ПАМЯТНИКИ МАЛАЙСКОЙ КНИЖНОСТИ XV–XVII вв. (предисловие издателя)

Соединение под одной обложкой двух непохожих друг на друга памятников классической малайской литературы не случайно. Оба они — и отсылающая нас к доисламской эпохе *Повесть о победоносных Пандавах*, и классическое мусульманское зеркало *Корона царей* — непременно свидетельствуют о важнейшей особенности малайской письменной традиции — ее открытости, готовности впитывать и органично усваивать влияния других культур.

Каждый из этих памятников имеет свою протяженную во времени историю, в которой, к сожалению, и поныне остается немало «белых пятен». Подавляющая часть малайского письменного наследия дошла до нас в рукописях XIX (реже — XVIII) в., и реконструировать во всей полноте историю публикуемых здесь сочинений практически невозможно. Так, в *Повести о победоносных Пандавах* по-прежнему открытым остается вопрос об этапах формирования ее текста — от первого малайского перевода или пересказа древнеяванских поэм и пьес театра *ваянг пурво*, созданных на темы индийской *Махабхараты*, до их второй циклизации в форме малайского *хикайата*. Сравнительно более «молодая» *Корона царей*, авторство и время создания которой не вызывают сомнений, обернулась литературной мистификацией, о мотивах которой можно лишь гадать: автор по не вполне ясным причинам не упомянул подлинных источников, использованных им при написании зеркала, и выдал его за компиляцию из множества других (отчасти вымышленных) сочинений.

Оба эти текста, почти на два века отстоящие друг от друга, объединяет стремление их авторов охватить достаточно широкий круг сочинений определенной тематики и скомпоновать на их основе в первом случае единый, хронологически выстроенный эпический свод, а во втором — универсальную «энциклопедию» мусульманского правителя. Основой для компиляции выступает здесь единство идейно-композиционного замысла произведения, а не единство материального носителя (рукописи), под крышей которого подчас бывают собраны разнородные, не связанные между собой сочинения.

Стремление к циклизации, присущее как этим, несхожим между собой сочинениям, так и малайской нарративной традиции в целом, содействовало систематизации и более полному осмыслению малайцами духовного и художественного наследия других народов, обогащению как их собственной культуры, так и культур близких им народов Индонезийского архипелага.

СОДЕРЖАНИЕ

Повесть о победоносных Пандавах

Предисловие	13
Повесть о победоносных Пандавах. <i>Перевод</i>	75
Комментарий	331
Приложение	345
Глоссарий	358
Литература	362
Указатели	363
Summary	370

***Бухари ал-Джаухари* Корона царей**

Предисловие	373
<i>Бухари ал-Джаухари</i> . Корона царей. <i>Перевод</i>	441
Комментарий	604
Приложение 1	631
Приложение 2	635
Литература	639
Указатели	641
Summary	646

**ПОВЕСТЬ
О ПОБЕДОНОСНЫХ
ПАНДАВАХ**

Предисловие,
перевод, комментарий

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ряду источников сюжетов, получивших свое развитие в литературной и театральной традиции народов Юго-Восточной Азии, особенно островной ее части, древнеиндийская «Махабхарата» занимает особое место. В странах региона, принадлежащих к индийскому культурному ареалу, заимствованные из нее мотивы питали собой творчество местных авторов, а в ряде случаев — в частности, на Яве — стали органической частью мифологизированной династической истории.

Освоение сюжетов «Махабхараты» в Нусантаре осуществлялось как письменным, так и устным путем. С начала первого тысячелетия — эпохи распространения индийского влияния на архипелаге — на Яве, Бали и в Малайе получают хождение санскритские версии эпоса. В X–XII вв. появляются переводы на древнеяванский большей части парв (книг) индийской эпоса. Вторым источником сюжетов «Махабхараты» послужили ее ранние, устные версии, существовавшие в Индии на местных диалектах задолго до ее письменной фиксации и сохранившиеся донныне. Вполне вероятно к тому же, что на Яве издавна существовала принятая в Индии практика чтения эпоса вслух¹. Оба этих обстоятельства содействовали формированию значительной части репертуара традиционного индонезийского театра².

В яванской литературе сюжеты «Махабхараты» занимали совершенно особое место. Не является преувеличением высказывание Ж.Кюизинье о том, что на Яве «Махабхарата» превратилась в разно-

¹ *Gonda J.* Old Javanese Literature. — Handbuch der Orientalistik. III Abteilung, III Band, Abschnitt I. Leiden, 1976, с. 211.

² *Brandon J.R.* Theatre in Southeast Asia. Cambridge (Mass.), 1967, с. 22; *Вунмедом P.O.* Путешествие через полмиллиона страниц. История классической малайской литературы. М., 1966, с. 56–65; *Subramanian M.V.* Vyasa and Variations. The Mahabharata Story. Madras, 1967.

видность национального эпоса³. К ее героям возводились родословные яванских правителей средневековья, а места действия эпопеи отождествлялись с реальными географическими областями острова. По словам Яна Гонды, на Яве «индийская эпопея и пуранические темы почти полностью ответили на запросы, вызванные потребностью в мифической истории»⁴.

Истории противостояния двух ветвей рода Бхаратов были посвящены древнеяванские прозаические сочинения — парвы — и эпические поэмы-какавины XI–XIII вв., возникшие на основе прямых переводов с санскрита книг «Махабхараты». Тот же конфликт лег в основу сюжетов лаконов (пьес) театра плоских кожаных кукол ваянг пурво, источниками которых были, скорее всего, ее устные версии, имевшие хождение на местных языках Индии. Общее количество лаконов о Пандавах и Кауравах, включая и те, что были созданы в сравнительно недавнюю эпоху, по разным оценкам, может варьироваться от полутора до трех сотен⁵.

Примечательно, что главный сюжетный конфликт «Махабхараты» — противостояние Пандавов и Кауравов, завершающийся битвой на Курукшетре (санскр. Курукшетре) — в драматургии ваянг пурво занимает далеко не ведущее место, а точнее — примерно одну пятую репертуара. Остальные же пьесы, где действуют герои индийской эпопеи, повествуют о рождениях и браках девяти поколений предков Пандавов и коротком периоде их правления в Амарте (Мертавангсе), который в самой «Махабхарате» является лишь интерлюдией. Лаконы (пьесы), сюжеты которых восходят к своему древнеиндийскому прототипу, в традиции ваянга именуется «лаконами ствола» (*lakon pokok*) в отличие от «лаконов ветвей» (*lakon carangan*) — пьес, в которых действуют персонажи «Махабхараты», но не соблюдена её событийная канва. Используя выражение Х.Ульбрихта, две указанные группы пьес можно назвать классической и полуклассической яванской драмой⁶.

Находясь в период своего становления под мощным влиянием индо-яванской традиции, малайская литература, в свою очередь, не могла не обратиться к освоению восходящего к «Махабхарате» эпи-

³ *Cuisinier J.* Le théâtre d'ombres à Kelantan. P., 1957, c. 94.

⁴ *Gonda J.* Old Javanese Literature, c. 212.

⁵ *Brandon J.R.* (ed.) On Thrones of Gold. Three Javanese Shadow Plays. Cambridge (Mass.), 1970. P. 12; *Brandon J.R.* Theatre in Southeast Asia. Cambridge, Mass., 1967, c. 90.

⁶ *Ulbricht H.* Wayang purwa: Shadows of the Past. Kuala Lumpur – Singapore, 1970, c. 12.

ческого наследия Явы. Основными источниками для последующих переработок и переложений на малайский стали как древнеяванские какавины (в значительно меньшей степени — парвы), так и драматургия ваанг пурво, оказавшая воздействие и на репертуар малайского театра, и на письменную словесность⁷.

В числе первых по значению источников следует назвать знаменитый какавин «Бхаратаюддха» («Война Бхаратов»), принадлежащий перу двух придворных поэтов восточнаяванского правителя XII в. Джайябхайи — мпу Седаха и мпу Панулуха. Призванная прославить их патрона, поэма на протяжении веков не утрачивала своей популярности. По числу сохранившихся списков она занимает первое место среди прочих написанных по-явански сочинений. Поэма была завершена в 1157 г., ее сюжет совпадал в своих основных чертах с V–X книгами «Махабхараты».

Событийная канва «Бхаратаюддхи» легла в основу целого ряда малайских повестей, созданных «по мотивам» индийской эпопеи — в том числе и публикуемой «Повести о победоносных Пандавах» (Hikayat Pandawa Jaya). Не меньшее воздействие на малайскую словесность оказал и ваанг — как «лаконы ствола», излагающие на свой манер события великой битвы на Куруксетре, так и «лаконы ветвей», повествующие о неведомых индийскому оригиналу похождениях его героев. Поскольку «лаконы ветвей» представляют собой весьма значительный сегмент яванского письменного наследия, немалая их часть перекочевала и в малайскую традицию. В их числе Hikayat Pandawa Panca Kelima, Hikayat Pandawa Lebur, Hikayat Angkawijaya, Hikayat Gelaran Pandu Turunan Pandawa и др. Однако к малайским «театральным» повестям о Пандавах исследователи и издатели проявляли значительно меньший интерес. Устами самых копиистов иные из них объявлялись простыми переводами (переложениями) с яванского⁸.

Напротив, едва ли можно считать таковым «Повесть о победоносных Пандавах» (далее — ППП). Переход этого сюжета из яванской в малайскую традицию проходил в несколько этапов. Как показало сопоставление «Бхаратаюддхи» и ППП, проведенное австралийской исследовательницей Хелен Гриффит, малайскоязычная ППП не восходит непосредственно к какавину XII в., но отражает более

⁷ Парникель Б.Б. Введение в литературную историю Нусантары IX–XIX вв. М., 1980, с. 85.

⁸ Ср. Ronkel Ph. S. van. Catalogus der Maleische handschriften in het Museum van het Bataviaasch Genootschap van Kunsten en Wetenschappen. Deel LVII. Batavia – s'Hage, 1909, с. 12, 15.

позднюю его версию⁹. По-видимому, между поэмой на древнеяванском и малайской повестью могла существовать промежуточная — прозаическая — яванская версия, известная под названием *Pandawa Jaya*, упоминания которой встречаются в источниках XIV–XV вв.¹⁰

Содержание яванской «Бхаратаюддхи» и малайской ППП не идентично и на сюжетно-композиционном уровне. Публикуемый нами текст «Повести» (а также некоторые другие ее списки) содержат добавочные эпизоды, отсутствующие как в собственно индийской эпосе, так и в древнеяванском какавине, хотя в них действуют те же герои «Махабхараты». Он открывается прямым уведомлением читателя, что в предлагаемом сочинении помимо самой повести о победе Пандавов рассказывается также еще несколько «красивых историй», известных в форме лаконов. Это означает, что создатель малайской «Повести» в рамках одного произведения свел воедино материал, взятый из различных источников, выстроив из него, как можно будет убедиться, новый и цельный по своему замыслу сюжет.

⁹ Цит. по: *Brakel L.F. Two Indian Epics in Malay. — Archipel 20. Etudes interdisciplinaires sur le monde insulindien. P., 1980, c. 155.*

¹⁰ *Brakel L.F. Two Indian Epics, c. 156.*

SUMMARY

Hikayat Pandawa Jaya

It is common knowledge that the Indian *Mahabharata* had an exceptional influence on the literary creation in the insular South-East Asia, actually inspiring a number of epic poems (*kakawin*) and prose literary works (*parwa*) in Old Javanese. Moreover, most of the traditional Malay and Javanese *wayang* (shadow-theater) repertoire is based on the *Mahabharata* story or, at least, uses the principal characters of the Indian prototype.

The first Malay version of the *Mahabharata* known under the title of *Hikayat Pandawa Jaya* ("The Story of the Victorious Pandawas") is a patchwork of episodes and scenes of different origin. The main part of its story is based on the Old Javanese *kakawins* — *Bharatayuddha* and *Ghatotkacaçraya* (12th century), framed by a number of *lakon* (plays) from the *wayang* repertoire and interlaced with some motives taken from the Javanese epic poems of the Majapahit era. According to some indirect data, the roots of the *Hikayat Pandawa Jaya* can be traced to a supposed Middle Javanese prototype — an adaptation of the *Bharatayuddha* bearing the name of *Pandawa Jaya* and dated, most probably, to the late 14th — early 15th century.

There is no doubt that the passage of the *Mahabharata* story from Javanese epic and theatrical traditions into Malay narrative prose has been a complex creative process. The text of the *Hikayat Pandawa Jaya* bears traces of *kakawin* figurative style, as well as a number of features proper to the *wayang* tradition — staging, scenery, succession of episodes. Woven together in one continuous narration, all these elements were bound into an organic whole — an epic cycle about heroic deeds of the Pandawas — legendary ancestors of Javanese kings.

Despite the Hindu-Javanese origin of its story, the Malay *Hikayat Pandawa Jaya*, taken as a whole, appears as an original composition, one of the earliest Malay fictional narratives displaying most of the characteristics of the *hikayat* genre.

Бухари ал-Джаухари
КОРОНА ЦАРЕЙ

Предисловие,
перевод, комментарий

ПРЕДИСЛОВИЕ

Созданный в начале XVII в. дидактический трактат Бухари ал-Джаухари *Тадж ас-салатин* («Корона царей») принадлежит к числу наиболее известных произведений малайской классической литературы. Его арабописьменный текст дошел до нас в десятках списков, хранящихся в рукописных собраниях Индонезии, Малайзии, Великобритании, Нидерландов, Германии и т.д. О популярности сочинения в Нусантаре¹ свидетельствуют и его переводы на яванский и ачехский языки, в том числе и в стихотворной форме, а также многочисленные издания — полностью и в отрывках². С распространением в Нусантаре книгопечатания «Корона царей» неоднократно издается и переиздается — и в арабской графике, и в транслитерации на латиницу.

В поле зрения европейских исследователей «Корона царей» попала довольно рано. Ее литературные достоинства отмечали путешественник и миссионер Франсуа Валентайн³, а также автор одного из первых сочинений по малайской филологии — «Малайской грамматики» — голландский ученый Г.Х.Верндли⁴. Неудивительно поэтому, что трактат оказался в числе первых произведений малайской словесности, переведенных на европейские языки. Упомянем прежде всего легшую в основу настоящего издания публикацию текста памятника в арабской графике с параллельным переводом на голландский, осуществленную Ф.П.Роордой ван Эйсингой (1827), а также французский перевод трактата, выполненный известным малаи-

¹ Нусантара (мал. «архипелаг») — традиционное наименование малайско-индонезийского культурного ареала.

² Voorhoeve P. Catalogue of Achenese Manuscripts (in Cooperation with T.Iskandar). Leiden, 1994, с. 186–187; Serat Tajussalatin. Semarang, s.a.; см. краткое изложение содержания поэмы Serat Tajussalatin в: Poerwasoewignja R., Wirawangsa R. Pratélan Kawabotenaning Boekoe-boekoe basa Djawi, s.l., 1920 (цит. по: Asdi.S.Dipodjojo (ed.) Taju'ssalatin. Yogyakarta, 1981, с. 17).

³ Valentijn François. Oud en Nieuw Oost Indien. Dordrecht–Amsterdam, 1724–1726.

⁴ Werndly G.H. Maleische Spraakkunst, (deel “Maleische Boekzaal”). Amsterdam, 1736.

стом Аристидом Марром (1878)⁵. Отмечая достоинства публикуемого им сочинения, Ф.П.Роорда ван Эйсинга подчеркивал в предисловии, что «Корона царей» вполне заслуженно может именоваться «Короной малайских рукописей»⁶. Будучи первым малайским сочинением в жанре *Fürstenspiegel* — зеркала для правителей, трактат послужил образцом и источником прямых заимствований для ряда позднейших малайских назидательных сочинений⁷.

* * *

«Корона царей» явилась первым и наиболее выдающимся малайским сочинением в жанре *adaḅa*⁸, характеризующегося своей просветительской и назидательной направленностью и широко представленного в литературах арабо-мусульманского мира. Восходящий к персидской повествовательной традиции доисламских времен, *adaḅ* начиная с VIII в. занимает одно из ведущих мест в арабской прозе, а впоследствии и во всех прочих литературах мусульманского культурного ареала. В центре внимания авторов, пишущих в этом жанре, находились аспекты бытия, имеющие отношение к социальному статусу человека и приличествующим ему правилам поведения в обществе. Естественно поэтому, что в каждом из этих сочинений обсуждению подлежал достаточно широкий круг вопросов: за изложением правил нравственного поведения могли следовать сугубо практические советы и рекомендации житейского характера, украшенные множеством поучительных изречений, назидательных, а порой и забавных историй.

⁵ Roorda van Eysinga. De Kroon aller koningen, van Bocharie van Djohor, naar een oud Maleische geschrift vertaald. Batavia, Lands Drukkerij, 1827; Makota radja-radja ou La Couronne des Rois, par Bokhari de Djohore. Traduit du malais et annoté par Aristide Marre. P., 1878.

⁶ Roorda van Eysinga. De Kroon, с. 3.

⁷ Jelani Harun. Kitab Kumpulan Ringkas Berbetulan Lekas: Karya Ketatanegaraan Melayu Yang Terakhir. — Sari. Universiti Kebangsaan Malaysia, № 19, 2001, с. 133–158.

⁸ *Adaḅ* (ар.) — воспитание, воспитанность, вежливость, учтивость, благопристойность, приличие (в современном арабском языке — литература). С I в. хиджры слово *adaḅ*, означавшее прежде нечто вроде латинского *urbanitas*, т.е. любезного обхождения, куртуазности, утонченности, стало применяться к совокупности знаний, относящихся к «профанной» культуре (в отличие от *‘ilm* — науки). Литература *adaḅa* приобретает широкое гуманистическое звучание при Аббасидах в результате воздействия индийской, иранской, греческой литератур. Позднее его смысл сужается до знаний, необходимых для исполнений различных общественных и государственных функций (Encyclopédie de l’Islam. Tome I. Leyden, 1960, с. 180–181). Слово *adaḅ* в заглавиях сочинений мы обычно переводим как «правила [нравственного поведения]».

В числе авторов сочинений в жанре *адаба* можно упомянуть таких выдающихся мусульманских писателей, писавших по-арабски, как автор *Китаб адаб ал-кабир* («Свод правил [нравственного поведения]») Ибн ал-Мукаффа (724–759) и создатель десяти томного зеркала для правителей *‘Уйун ал-ахбар* и трактата *Адаб ал-катиб* («Правила для секретарей») Ибн Кутайба (828–889). Дальнейшее развитие этот жанр получает на рубеже XI и XII вв., когда на периферии мусульманского мира (в основном на его востоке), с выходом на политическую арену неарабских династий, возникает потребность нового осмысления исламской концепции власти в ее соотношении с историческими традициями персидской государственности. Языком зеркал наряду с арабским становится и персидский. В этот период создаются такие выдающиеся образцы жанра, как персидские *Кабус-наме* Кай-Кавуса (р. 1021/22 г.) и *Сиасет-наме* Низама ал-Мулка (1018–1092), арабо-персидское *Насихат ал-мулук* ал-Газали (1058–1111), арабское *Сирадж ал-мулук* ат-Туртуши (1060–1126).

При всем их тематическом, стилистическом и композиционном разнообразии *адабные* сочинения арабо-мусульманского мира объединяла общность того историко-культурного наследия, на которое опирались их авторы. Впитав в себя предания далеких доисламских времен, истории, связанные с именами царей и мудрецов древнего Ирана и античной Греции, ветхозаветных пророков, первых мусульманских халифов и подвижников ислама, эти произведения изобиловали «бродячими», переходящими из одной книги в другую сюжетами, притчами и афоризмами, призванными иллюстрировать те или иные нравственные предписания или советы житейского характера.

Как и большинство сочинений дидактического жанра — от древнеиндийской *Артхашастры* Каутильи⁹ до *Государя* Никколо Маккиавелли¹⁰, *адабные* сочинения, как правило, были адресованы тем лицам, от которых в наибольшей мере зависело благополучие государства, — правителям и их приближенным (вазирам и секретарям). При этом сам диапазон предписаний и советов мог варьироваться весьма широко — от необходимости правителя стремиться к познанию самого себя и Всевышнего (*Насихат ал-мулук* / «Настав-

⁹ Артхашастра (санскр.) — «Наука о пользе» — сводный трактат по науке управления и политике, приписываемый Каутилье, полугендарному министру основателя династии Маурьев Чандрагупты I, но составленный, вероятно, в I–II вв.

¹⁰ «Государь» (*Il Principe*). — трактат о принципах управления государством, принадлежащий перу итальянского историка и политического мыслителя Никколо Маккиавелли (1469–1527).

ление правителям» *Ал-Газали*¹¹) и наставлений, касающихся «почитания отца и матери», «смирения и умножения знания» (*Кабус-наме Кай-Кавуса*¹²), до рекомендаций государю, касающихся «рассылания скороходов и птиц» или «заготовления фуража на остановках» (*Снасет-наме Низама ал-Мулька*¹³) или деталей застольного протокола правителя (*Китаб ат-тадж* / «Книга короны» / псевдо-Джахиза¹⁴). Рассматриваемая с этой точки зрения «Корона царей» предлагает читателю самый широкий спектр наставлений — от поучений религиозного характера до практических советов.

Тематически «Корона царей» выстроена поглавно следующим образом:

Введение

Глава 1. О познании человеком самого себя, о том, откуда он произошел и что собою представляет.

Глава 2. О том, как Господь создал мир, человека и все прочее.

Глава 3. О том, что есть мироздание и о месте в нем человека.

Глава 4. О конце жизненного пути человека и его последнем вздохе в минуту кончины.

Глава 5. О сущности власти правителя, султана либо иного повелителя.

Глава 6. О справедливости и о том, как ее соблюдать.

Глава 7. О нравах справедливых владык и о тех государях, которые исполняли свой долг по совести.

Глава 8. О неверных, но справедливых владыках.

Глава 9. О тирании и о тиранах.

Глава 10. О министрах и о высоком предназначении тех, кто находится на этой должности.

Глава 11. Об обязанностях пишущих.

Глава 12. Об обязанностях, возлагаемых на посланников государя.

Глава 13. О государевых служащих.

Глава 14. О том, каким образом надлежит воспитывать детей.

Глава 15. О том, что есть истинное нравственное величие.

Глава 16. О том, что есть ум и каковы собой умные люди.

¹¹ *Абу Хамид аль-Газали. Наставление правителям и другие сочинения.* М., 2004, с. 7–61.

¹² *Кабус-наме. Перевод, статья и примечания Е.Э.Бертельса.* М., 1955, с. 23–25 и 26–36.

¹³ *Снасет-наме. Книга о правлении вазира XI столетия Низама ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания профессора Б.Н.Заходера.* М.—Л., 1949, с. 91 и 105.

¹⁴ *Le livre de la couronne, attribué à Ġahiz, traduit par Charles Pellat.* P. 1954, с. 39–48.

Глава 17. О правилах, которые надлежит соблюдать при управлении государством.

Глава 18. О науках *кийафат* и *фирасат*.

Глава 19. О признаках, по которым, согласно наукам *кийафат* и *фирасат*, можно определить характер человека.

Глава 20. О том, как должны строиться отношения между государем и его подданными.

Глава 21. Об отношениях между правоверными владыками и их неверными подданными.

Глава 22. О щедрости и благотворительности.

Глава 23. О верности данному слову.

Глава 24. Подведение итогов сей достославной книги.

Как можно заметить, темы первых четырех глав затрагивают общий круг проблем общефилософского характера, важных не только для правителя, но и для любого мусульманина вообще: познание самого себя и Бога, сущность мироздания и места человека в нем, завершение земного пути человека. В последующих пяти главах речь идет о значении царской власти, справедливости и тирании, правосудных и жестоких царях — как мусульманах, так и неверных. В главах 10–13 автор переходит к обязанностям, возлагаемым на государевых приближенных (министров, секретарей, послов и прочих чиновников). Из оставшихся одиннадцати глав часть (17, 20 и 21) посвящена вопросам управления государством, а другая — разнообразным советам нравственного (15, 16, 22 и 23) и житейского (14, 18 и 19) свойства. Наконец, заключительная, 24 глава рассуждает о значении книги и круге читателей, которым она может принести пользу.

Несмотря на то что трактат Бухари ал-Джаухари был издавна и весьма хорошо известен и в Нусантаре, и в Европе, неизменным предметом дискуссии исследователей оставался вопрос: является ли «Корона царей» оригинальным малайским сочинением, переводом доселе неизвестного персидского зеркала или же простой компиляцией нравственных предписаний, изречений и исторических анекдотов, собранных по крупицам в обширном океане арабо-персидского повествовательного наследия? Каждая из этих гипотез имела право на существование и, как это ни парадоксально, при ближайшем рассмотрении нашла свое частичное подтверждение (подробнее об этом ниже). Ближе всего к истине представлялось последнее предположение, поскольку об этом во вступительной части трактата недвусмысленно заявил сам Бухари: «Есть немало достославных и великих книг, прославленных по всем странам, слова которых любезны всем просвещенным... Изю всех этих сочинений ничтожный

Бухари извлек изящные речения и примеры, словно цветы, выращенные в их садах, отобрал и сплел их воедино...» (с. 7)¹⁵.

Подобное признание автора отнюдь не означает, однако, что трактат представляет собой механическую компиляцию заемных цитат. Рука автора ощущается прежде всего в четкой композиционной выстроенности как памятника в целом, так и отдельных его глав. В большинстве из них (в 15 из 24) изложение основной темы сопровождается арабской цитатой из Корана или хадисов, за которой следует их перевод на малайский и пространный комментарий, обычно открывающийся прямым обращением автора к читателю («О благодарные! Внятно ли вам сказанное мною, уясните ли вы его возвышенный смысл?»). Нередко Бухари резюмирует главную мысль главы или какого-либо ее раздела при помощи стихотворения, предваряемого вводными словами: «Ничтожный Бухари сказал об этом так...». Лапидарность и афористичность, присущие стиху, композиционно как бы завершают разработку темы.

В качестве иллюстрации автор использует уже упомянутые, почерпнутые из различных источников «речения и примеры» — исторические анекдоты, притчи и афоризмы мудрецов, царей, пророков и других выдающихся деятелей исламского и доисламского прошлого. Однако при этом он стремится четко разграничить область собственной прямой речи (обращения к читателю, стихотворные парафразы) и заимствованный иллюстративный материал. В отличие от перечисленных выше (и многих других) произведений назидательного жанра, принадлежащих арабо-мусульманской культурной традиции, трактат Бухари содержит прямые ссылки на источники приведенных в нем цитат — *адабные* сочинения арабского или персидского происхождения. Обычно они вводятся в повествование словами: «В книге *Кисас ул-анбийя* рассказывается следующее...» или «В книге *Танбих ал-зафилин* сказано...». Многочисленные цитаты из Корана и хадисов вводятся словами: «Рек Всевышний Аллах» или «Пророк (мир ему!) сказал так».

В заключительных строках «Короны царей» автор прямо и недвусмысленно утверждает, что благодаря «Короне царей» имя Бухари будет «увекочено в мире вплоть до дня Страшного суда». Очевидно, что Бухари отнюдь не стремился преуменьшить ни свою авторскую роль, ни свою высокую проповедническую миссию. Свидетельством тому является та роль, которую играет в трактате его «прямая речь» — постулирующие и резюмирующие тему каждой главы про-

¹⁵ Здесь и далее ссылки на цитаты даются по арабописьменному тексту публикации Ф.П.Роорды ван Эйсинги.

заические или стихотворные пассажи. Ссылки же на источники при-
званы у Бухари маркировать область «косвенной речи» — рассказы
«из чужих уст».

Несмотря на широкую и заслуженную известность «Короны ца-
рей», достоверные сведения о личности ее автора — его этнической
принадлежности, биографии, социальном статусе — практически
отсутствуют. Во Введении и в завершающей главе Бухари формули-
рует задачу, стоявшую перед ним при написании трактата, рассуж-
дает о том, какой он видит свою аудиторию и т.д., но не сообщает
о себе никаких данных личного характера, открывая тем самым ши-
рокое поле для всевозможных догадок. Их предметом стало прежде
всего само имя автора «Короны».

По установившемуся мнению, имя Бухари ал-Джаухари имеет
два значения: «Бухари (т.е. бухарец)-ювелир» и/или (по созвучию
слов *jauhari-Johori*) «Бухари из Джохора»¹⁶. Во Введении «ювели-
ром» — создателем драгоценной «Короны» именуется сам автор:

Наименование «Корона царей»

Здесь более чем уместно.

Книга эта — корона,

А каждое слово в ней — самоцвет.

И скажу лишь только,

Что эта книга — воистину драгоценность,
Драгоценность, звукам которой ты внимаешь,
Драгоценность, сущность которой ты зришь.

Мои драгоценности — всего лишь слова,

А я — их ювелир.

Если они и для вас драгоценности —

Я для вас тоже являюсь ювелиром...

/с. 6/

Вопреки утверждению одного из первых исследователей и пере-
водчиков трактата — Аристиды Марра¹⁷ ни в этом отрывке, ни во
всем остальном тексте ничто ни прямо, ни косвенно не указывает на
джохорское происхождение «бухарца»-Бухари. Возможно, А.Марр
сделал такое заключение, опираясь на заглавие книги, с которой он

¹⁶ Джохор — малайский султанат, расположенный на южной оконечности Ма-
лаккского п-ова. Подобный «двойной» вариант перевода слова *Jauhari* получил са-
мое широкое распространение, начиная с самого издателя публикуемого текста и его
французского переводчика (см. выше сноску 3); той же точки зрения придерживался
и Х.Хоййкаас (*Hooykaas C. Over Maleische literatuur. Leiden, 1947, c. 167*). С Джохор-
ом связывает Бухари и Халид Хуссейн (*Bukhari al-Jauhari. Taj us-salatin, di-usahakan*
oleh Khalin Hussain. Kuala Lumpur, 1966, c. XV).

¹⁷ См.: Makota radja-radja..., p. 12–13.

делал свой перевод, — издания Ф.П.Роорды ван Эйсинги. На титульном листе последней значится буквально следующее: *Bahwa ini kitab Taj as-salatin yaitu Makota segala raja-raja yang dikarangkan oleh Bukhari di Johor serta disalinkan oleh F.P.Roordva van Eysinga...* («Это книга *Тадж ас-салатин*, то есть *Корона царей*, сочиненная Бухари в Джохоре (выделено мной. — Л.Г.) и переведенная Ф.П.Роордой ван Эйсингой...»). Автором текста титульного листа, выдержанного в стиле традиционных малайских рукописей, без сомнения, явился сам издатель и переводчик — Ф.П.Роорда ван Эйсинга. Однако ни в предисловии, ни в примечаниях не указано, что значилось на титульных листах оригинала и иных рукописей, использованных им для сверки, и есть ли там этот пассаж — «сочиненная... в Джохоре».

Вопросы вызывает и сама привычно используемая в традиции конструкция — Бухари ал-Джаухари. Автор обычно именуется в тексте «ничтожным Бухари» (*Bukhari yang hina*), «просвещенным Бухари» (*Bukhari yang arif*), «смирненным Бухари» (*Bukhari yang fakir*), «изумленным Бухари» (*Bukhari yang heran*) и в приведенном ниже отрывке, говоря о себе как о «Бухари-ювелире», использует в качестве связки не арабский артикль *al-*, а все то же союзное слово *yang* («который»), называя себя *Bukhari yang Jauhari*. В отличие от арабского артикля *al-*, используемого в *нисбах*, малайское *yang* не создает изафета. По-видимому, лапидарная формула «Бухари ал-Джаухари» возникла в традиции позднее, на основе образа, предложенного самим автором («ювелир = создатель «Короны»), а позднее ее стали трактовать как его *нисбу* — «джохорец»¹⁸ (ср. ас-Самарканди, ат-Туси, ат-Тирмизи и т.п.).

Не выясненным до конца остается и вопрос о самом имени «Бухари». В значении «бухарец» оно употребляется в арабской традиции (ср. имя знаменитого *мухаддиса*¹⁹: ал-Бухари). В персидском же языке понятие «бухарец» передается словом «Бухāрай» (с долгим *алифом*). По мнению Ф.П.Роорды ван Эйсинги, «Бухари» является не *нисбой* автора первого малайского зеркала, а своего рода почетным прозвищем, свидетельствующим о высокой образованности его носителя²⁰.

¹⁸ Заслуживает упоминания и высказанная Рuffазром гипотеза о восхождении самого топонима Johor к персидскому *jauhar* (цит. по: *Brakel L. Hamza Pansuri. — Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society, n° 52*).

¹⁹ *Мухаддис* — составитель сборника преданий (хадисов) о словах и действиях пророка Мухаммада.

²⁰ *Roorda van Eysinga. De Kroon... Unleiding*, с. 3. Издатель возводит этимологию этого имени к якобы существовавшему в древнеарабском языке слову *Vochar*, что означает «умудренный, знающий», однако в арабских словарях такого значения корня *б.х.р* обнаружить не удалось. Ближайшее по созвучию и смыслу персидское слово с таким значением — *бэхрад* («мудрец»).

Не вызывает сомнения принадлежность Бухари ал-Джаухари к кругу просвещенных и образованных людей, близких ко двору правителя, имя которого в книге, однако, ни разу не названо. О том, что последний был непосредственным адресатом его сочинения, свидетельствуют следующие строки-посвящение:

... Итак, ясно, что Бухари-ювелир
 Поработал над украшением этой короны,
 Тот, кого венчает корона,
 Именуется мною «Владыкой Вселенной».
 Это имя принадлежит ему по праву,
 И корона эта²¹ — знак моего уважения к нему.
 /с. 6/

Датировать свое сочинение помог читателям сам Бухари, предложивший в качестве шифра слово *ḡayb* (ар. «отсутствие»; «невидимое», «сокровенное»; перс. «тайна», «отсутствие»; «таинственный», «сокровенный»), каждая буква которого, согласно древней арабской системе *абджад*, имеет свое числовое значение. *ḡayb* на письме обозначается тремя буквами — «ḡайн», «йа» и «ба», их числовое значение, согласно *абджаду*, таково: «ḡайн»=1000, «йа»=10, а «ба»=2, что составляет в сумме 1012 г. хиджры, или 1603 г. по христианскому летосчислению. Именно эта дата стала для исследователей отправной точкой и позволила высказать предположения, касающиеся места написания трактата и личности правителя, которому была посвящена книга.

По единодушному мнению большинства из них, местом создания «Короны царей» был расположенный на северной оконечности Суматры султанат Аче, где языком письменной культуры был малайский — *lingua franca* мусульман Индонезийского архипелага. Находясь на перекрестке морских путей, соединяющих страны Ближнего и Среднего Востока с дальневосточным регионом, Аче после завоевания Малакки португальцами в 1511 г. стал важнейшим мусульманским торговым центром региона. На рубеже XVI–XVII вв. султанат переживал период своего расцвета, а в зоне его влияния находилась практически вся западная часть Нусантары. Роскошь и великолепие ачехского двора восхищали многих европейских путешественников²². С ростом экономической и политической экспансии

²¹ То есть «Корона царей».

²² См.: *Mémoires d'un voyage aux Indes Orientales* by Augustin de Beaulieu, an early seventeenth-century account. P., 1996; *The Voyage of Francois Puyard of Laval to the East Indies, the Maldives, the Moluccas and Brazil*, translated by Albert Gray, assisted by

европейских держав в Нусантаре им приходилось искать общий язык с правителями пока еще независимого Аче. Именно поэтому английская королева Елизавета I в июне 1602 г. (т.е. фактически в то самое время, когда создавалась «Корона царей») направляет в Аче посольство, возглавляемое сэром Джеймсом Ланкастером, с ценными подарками и письмом, содержащим предложение его правителю заключить договор о «мире и дружбе»²³.

Предположение, что именно этому сюзерену — султану Ала уд-Дину Ри'айат-шаху Саййиду ал-Мукаммилу, носившему титул «Владыки Вселенной» (*Syah 'Alam*) и правившему в Аче в 1589–1604 гг., и посвятил свое сочинение Бухари, было впервые высказано голландским исследователем Х.Хойкаасом²⁴. Той же точки зрения придерживались такие виднейшие малайсты, как Р.О.Винстедт²⁵, Д.Ломбар²⁶, В.И.Брагинский²⁷ и др. Решающим аргументом в пользу данного предположения служила главенствующая роль Аче в малайском мире на рубеже XVI–XVII вв. и пышность его двора, ставшего центром притяжения для многих высокообразованных людей той эпохи.

Разумеется, поскольку о Бухари как реальном персонаже отсутствуют какие-либо прямые или косвенные свидетельства²⁸, его возможная связь с Аче и личностью султана Ала уд-Дина Ри'айат-шаха Саййида ал-Мукаммила пока еще не получила документального подтверждения. Впрочем, в пользу этой версии может свидетельствовать еще одно обстоятельство, связанное с политической ситуацией в Аче начала XVII в. и позволяющее предположить, что Бухари

H.C.P.Bell, from the French, Haklyut Society, LXXVI, LXXVII. L., 1887–1890, 2 vols in 3 parts, part 1, c. 159–160.

²³ The Voyages of Sir James Lancaster, Kt, to the East Indies, ed. by C.H.Markham, the Haklyut Society, LVI. L., 1877, c. 74.

²⁴ Hooykaas C. Over Maleische literatuur. Leiden: Brill, 1947, c. 166.

²⁵ Винстедт Р. Путешествие через полмиллиона страниц. История малайской классической литературы. М., 1966, с. 162.

²⁶ Lombard D. Le Sultanat d'Atjéh au temps d'Iskandar Muda. 1607–1636. P., 1967, c. 154; Lombard D. Le Carrefour Javanais. Essai d'histoire globale. v. II, Les réseaux asiatiques. P., 1990, c. 133.

²⁷ Брагинский В.И. История малайской литературы VII–XIX веков. М., 1983, с. 313–314.

²⁸ Примером «косвенного свидетельства» можно считать, например, известное упоминание Ланкастера о встрече при дворе правителя Аче с некими «архиепископом» и еще одним «благородным господином из числа старой знати», одним из которых, как предполагают, был знаменитый ачехский суфий и поэт Хамза Фансури (см.: *Syed Muhammad Naguib al-Attas. Raniri and the Wujudiyah of the 17th Century Aceh.* — Monographs of the Malaysian Branch Royal Asiatic Society III. Singapore, 1966, c. 9).

в своем трактате вполне сознательно не называет покровительствующего ему государя по имени.

Став султаном уже в преклонном возрасте, Ала уд-Дин Ри'айат-шах, согласно данным португальских источников, проявил себя суровым самодержцем, стремившимся к централизации власти и обрешшим на казнь многих вельмож из числа старой знати. Борьба за трон между двумя сыновьями султана началась еще до его кончины. В итоге, закованный в кандалы, он вместе с женой был отправлен в темницу, где и умер в 1604 г. Существовала и иная — официальная — версия, согласно которой султан Ала уд-Дин Ри'айат-шах Саййид ал-Мукамил скончался на год раньше, в 1603 г., и соперничество за трон между двумя сыновьями началось уже после его смерти²⁹. Как бы ни обстояло дело в действительности, очевидно, что в 1603 г., когда создавалась «Корона царей», ситуация с престолонаследием в Аче была довольно неопределенной. Не исключено, что Бухари, зная об этих интригах и весьма преклонном возрасте Ала уд-Дина Ри'айат-шаха, из осторожности воздержался от называния своего покровителя по имени в тексте трактата.

Помимо «ачехской» версии, связывающей Бухари с Северной Суматрой, существует версия «джохорская», которой следом за Ф.П.Роордой ван Эйсингой придерживались уже упомянутый А.Март³⁰, а также малайзийский исследователь, публикатор «Короны» на латинице Халид Хуссейн³¹. В примечаниях к переводу «Короны» Роорда ван Эйсинга пишет, что трактат был сочинен во время правления «Ала Улудина (sic!) Шаха, султана Джохора (sic!), шестнадцатого правителя (Vorst) малайцев и десятого из их царей (Koningen), принявших исламскую веру; при нем голландцы впервые появились в Джохоре»³². Это утверждение очевидно идет вразрез с «ачехской» версией и поэтому заслуживает более подробного рассмотрения.

Во второй половине XVI в. княжество Джохор находилось в состоянии перманентной войны как с укрепившимися в Малакке португальцами, так и с со своим давним соперником — Аче. В 1564 г. ачехцы напали на Джохор, взяли в плен его султана Ала уд-Дина

²⁹ Voyages de François Pyrard de Laval contenant sa navigation aux Indes Orientales, Maldives, Moluques, et au Brésil..., tome II. P., 1619, с. 98 (цит. по: Lombard D. Le Sultanat d'Atjéh, с. 70).

³⁰ Makota radja-radja ou La Couronne des Rois, с. 1.

³¹ *Bukhari al-Jauhari*. Taj us-salatin, di-usahakan oleh Khalid Hussain. Kuala Lumpur, DBP, 1966, с. XI и XIV.

³² Roorda van Eysinga. De Kroon, Aantekeningen, с. 2.

Ри'айат-шаха II. Затем на джохорский престол вступил Музаффар-шах II — сын покойного султана, который всячески стремился продемонстрировать свою независимость от Аче и с этой целью перенес столицу княжества в Селуют. После его кончины, последовавшей в 1570 г., султан Абдул Джалил-шах II вернул столицу на прежнее место — в Джохор Лама, защитив ее цепью оборонных сооружений. Вскоре Джохор вновь становится важным центром международной торговли, однако новый виток войны против португальцев, возобновившейся в 1586 г., приводит в итоге к его поражению.

В результате на рубеже XVI и XVII вв. Джохор еще сохранял свой суверенитет, но фактически находился в состоянии полувассальной зависимости от Аче. Именно поэтому с появлением голландцев на архипелаге султан Джохора, сын скончавшегося в 1597 г. Абдул Джалил-шаха II — Ала уд-Дин Ри'айат-шах III, ищет с ними союза, чтобы противостоять и португальцам, и своему набирающему силу островному соседу³³. Позднее, в 1613 г., ачехский правитель Искандар Муда проводит успешную военную операцию против Джохора, в ходе которой Ала уд-Дин Ри'айат-шах III становится его пленником. По заключении мирного договора между Аче и Джохором Ала уд-Дин Ри'айат-шах III ненадолго обретает свободу, однако вскоре его сотрудничество с голландцами, а также португальцами вызывает гнев правителя Аче. Джохорский султан снова оказывается в плену, где его и постигает кончина³⁴.

Как можно заметить, имя «Ала уд-Дин Ри'айат-шах» носили сразу несколько правителей. Это султан Малакки Ала уд-Дин Ри'айат-шах I (пр. 1477–1488), султаны Джохора Ала уд-Дин Ри'айат-шах II (пр. 1528–1564) и Ала уд-Дин Ри'айат-шах III (1597–1615), а также ачехские султаны Ала уд-Дин Ри'айат-шах ал-Каххар (пр. 1537–1571) и уже упомянутый ранее Ала уд-Дин Ри'айат-шах Саййид ал-Мукамил (пр. 1589–1604). Если согласиться с «джохорской» версией, то упоминаемым Роордой ван Эйсингой «султаном Джохора», шестнадцатым правителем малайцев и десятым из их царей, принявших ислам, при котором в княжестве «впервые появились голландцы», является не кто иной, как Ала уд-Дин Ри'айат-шах III, будущий пленник Аче, а отнюдь не его современник, ачехский султан Ала уд-Дин Ри'айат-шах Саййид ал-Мукамил. К тому же слово «Аче» вообще ни разу не фигурирует ни в предисловии Ф.П.Роорды ван Эйсинги, ни в его примечаниях к переводу.

³³ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, с. 519.

³⁴ Ср. *Gibson-Hill. On the Alleged Death of Sultan 'Alaud din of Johor at Acheh in 1613.* — JMBRAS, vol. XXIX, 1956, с. 1 (цит. по: *Lombard D. Le Sultanat d'Atjéh*, с. 92).

Поскольку издатель никак не аргументировал предложенную им «джохорскую» версию, едва ли есть возможность с уверенностью говорить о его правоте. Однако сам факт его работы, как минимум, с пятью рукописями памятника позволяет предположить, что прямые или косвенные сведения о связи Бухари с Джохором Роорда ван Эйсинга обнаружил именно в них. Что же касается «ачехской» версии, то она, вполне возможно, возникла из-за совпадения имен правителей двух султанатов — Аче и Джохора. Однако распространение власти Аче на Джохор произошло лишь во втором десятилетии XVII в., и в 1603 г. ачехский султан вряд ли мог считаться одновременно «султаном Джохора».

Не исключена, разумеется, и компромиссная, «ачехско-джохорская» версия. Как известно, после завоевания португальцами Малакки в 1511 г. лидирующая роль в малайском мире на первых порах перешла к Джохору, чьи султаны издавна находились в родственных связях с правителями соседних государств и областей Юго-Восточной Азии: Сиам, Паханга, Патани, Перака, Сиака, Сингапура, а позднее перешла к Аче. На всем протяжении своей истории Джохор неоднократно переживал и взлеты, и падения, однако всегда и неизменно оставался признанным центром малайской образованности, колыбелью литературного малайского языка (*bahasa Melayu Johor-Riau*). Весьма возможно поэтому, что Бухари, при всем уважении к «Владыке Вселенной» (если считать таковым правителя Аче), по тем или иным соображениям предпочитал держаться на почтительном расстоянии от его двора и работу свою выполнил, пребывая в Джохоре — культурной столице малайского мира.

В тексте трактата не указано не только имя сюзерена-покровителя Бухари и название страны, которой он правит, в нем также не встретишь ни одного географического названия, ни одного имени персонажа, которое относилось бы к малайскому культурному ареалу или региону Юго-Восточной Азии в целом. Единственным исключением, пожалуй, является обращение автора в главе 21 к государям «подветренных стран» (т.е. стран Индонезийского архипелага), где он объясняет им, каким образом следует обращаться с теми из их подданных, что не исповедуют ислам (с. 201), но и здесь Бухари с самого начала заявляет, что правила эти заимствованы им из арабского первоисточника — так называемого «Договора Омара» (*Ахд-намэ 'Умар*)³⁵.

³⁵ Подробнее о «Договоре...» и других использованных Бухари источниках см. ниже.

Знакомя малайцев (или — шире — всех владеющих малайским языком) с традициями мусульманского *адаба*, Бухари выступает не только как просветитель, но и как миссионер. Его руководство для правителей — это прежде всего вдохновенная проповедь, призванная донести ценности ислама до новообращенных. Поэтому стержневой особенностью трактата являются опора на Коран и сунну при рассмотрении любых — и духовных, и практических — вопросов, прославление шариата и порицание ересей (*бид'а*), подчеркнутое благочестие тех мусульманских владык, которых автор ставит как пример для подражания. Очевидно, что сами малайские читатели представляются Бухари своеобразной *tabula rasa*, лишенной какого-либо позитивного цивилизационного опыта, к которому можно было бы апеллировать.

Весьма немногочисленные малайские бытовые и культурные реалии, встречающиеся в тексте «Короны...», играют у Бухари вспомогательную роль и используются как понятное его читателю средство для сравнения. Так, рассуждая о бренности человеческой жизни, он замечает:

«Несчетное и невообразимое множество дней, месяцев и веков минует, пока человек пребывает прахом в лоне земли. Сколько раз из праха его тела создавались кувшины, миски, кенди³⁶, горшки, беланга³⁷, чашки и прочее подобное, и сколько раз все это, разбившись, превращалось в черепки, валяющиеся повсюду по улицам и дорогам, у домов и под ногами у людей и животных!» (с. 25–26). Передавая известную историю о свойственной праведному халифу Омару неприхотливости в еде, он пишет: «...Омар кладет себе на блюдо два хлеба и съедает их с гулеем и гадо³⁸...» (с. 92).

Рассуждения о человеческой суетности Бухари также иллюстрирует образами природы, близкими для жителей Нусантары:

«Поистине, мирская жизнь людей проникнута тщеславием, заставляющим их забыть обо всем и искать власти и удовольствий, похоти и наслаждений, почестей, могущества и прочего... Уподобим их тем, кто по своей глупости, неразумию и небрежности не готовит себе припасов в сезон дождей, когда возрождается прежде мертвая земля, принося все, какие только есть на свете, плоды, и украшается яркими и благоуханными цветами... Но проходит сезон дождей, и наступает сухой сезон с его нестерпимой жарой, когда растения увядают, сохнут, опадают, их уносит порывами ветра и остается

³⁶ *Кенди* — глиняный кувшин с носиком и ручкой.

³⁷ *Беланга* — котелок из обожженной глины.

³⁸ *Гулей* — приправа к рису из мяса или рыбы. *Гадо* — блюдо из овощей с приправами.

лишь сухая почва, на которой, как кажется, уже ничто не сможет вырасти. И те, кто по своему неразумию пристрастились к жизненным радостям и красотам, изумляются своей прежней беспечности и бесплодным мечтаниям...» (с. 36).

Примечательно в этой связи, что само слово «малаец», «малайский» (*Melayu*) на всем протяжении трактата употреблено лишь дважды. В первом случае, говоря о том, каким образом проявляются высокие нравственные качества правителя, Бухари использует привычное для его читателей сравнение: «...подобно тому, как у малайцев крис³⁹ есть признак благородного звания...» (с. 61)⁴⁰. Во втором случае понятие *Melayu* употреблено в явно уничижительном смысле: завершая свое сочинение, Бухари противопоставляет «Корону царей» занимательным повестям (хикайатам), что издавна пользовались у малайцев особой популярностью:

«Подданные должны предписать своим детям и внукам по завершении ими изучения Корана обращаться к этой книге и отказаться от чтения прочих повестей⁴¹, ибо тем, кто их читает или слушает, все эти столь распространенные в малайской земле повести (курсив мой. — Л.Г.) несут погибель как в этом мире, так и за гробом. В них содержатся лживые и кощунственные истории, и тот, кто их читает или слушает, совершает преступление» (с. 223).

Для сравнения, слово *Arab* («арабский») употреблено в тексте трактата 14 раз, чаще всего — в связке со словами *kaum, rakyat, bahasa* («язык», «народ», «страна»), а слово *Ajam* («Персия», «персидский») — 19 раз, по большей части в связке со словами *raja, segala* («царь», «все [жители страны]»). Во всех случаях по контексту и *Arab*, и *Ajam* сами по себе лишены какой-либо — положительной или отрицательной — коннотации, что естественно, когда автор говорит о «своей», близкой ему культуре, воспринимаемой им как «норма».

Очевидно, таким образом, что, используя в своем трактате основные реалии и понятия, связанные с бытом и образом жизни малайцев, Бухари при этом решительно отказывается признать какие-либо достоинства за их культурным прошлым, губительным для души истинного мусульманина: от этого прошлого его читатели должны

³⁹ *Крис* — кинжал с извилистым клинком, также играющий роль ритуального оружия. Крысы богато отделяются и передаются по наследству (от отца — к сыну, от тестя — к зятю).

⁴⁰ О символической и церемониальной роли криса, в частности, при дворе султанов Аче см.: *Lombard D. Le Sultanat d'Atjéh*, с. 78 и 140.

⁴¹ Имеются в виду повести (хикайаты) развлекательного характера.

со всей решительностью отречься. Подобная «отстраненная» по отношению к более раннему малайскому наследию позиция и отсутствие в трактате Бухари каких-либо ссылок на события или деятелей малайской истории явились причиной того, что большинство исследователей считали его «человеком со стороны» — «бухарцем» или «уроженцем Гуджерата», изучившим малайский язык и обосновавшимся в Аче или Джохоре.

Очевидно, что ни сам текст трактата, ни какие-либо (пусть самые правдоподобные) предположения и исторические выкладки не дают нам возможности достоверно восстановить предполагаемую биографию писателя⁴². Напомним лишь, что «Корона царей» остается единственным малайским сочинением, дошедшим до нас от автора, именовавшего себя «Бухари». Будучи первым (а долгое время оставаясь и единственным) зеркалом для правителей, «Корона царей» вполне обоснованно была отнесена Д.Ломбаром к кругу «нормативных» сочинений эпохи расцвета малайского ислама⁴³. Основанием и побудительной причиной для создания подобных сочинений нередко служат не столько литературные, сколько политические и идеологические соображения и обстоятельства. Возможно предположить поэтому, что Бухари обратился в написанию своего трактата, выполняя своеобразный «социальный заказ» своего покровителя (а возможно, и по собственной инициативе), но, помимо «Короны», не оставил после себя ни одного написанного по-малайски (или, по крайней мере, под этим именем) сочинения.

Забегая вперед, следует сказать, что трактат Бухари ал-Джаухари не только стал родоначальником жанра малайских назидательных сочинений, последние образцы которого создавались уже в XX в.⁴⁴, но остался непревзойденным в этом своем качестве. Спустя два с лишним века после его создания трактат продолжал оказывать значительное воздействие на умы его малайских читателей. Одним из

⁴² Подобно тому как это делает, например, малайзийский исследователь Ф.А.Нур, решительно утверждающий следующее: «В 1603 году малайско-мусульманский богослов (*улема*) Бухара (sic!) ал-Джаухари оказался на службе при дворе султана Аче на Северной Суматре... Прибыв ко двору Аче, Бухара ал-Джаухари нашел, что ему предстоит совершить очень многое... Прослужив несколько лет у султана Аче, Бухара в 1603 г. написал книгу, озаглавленную *Тадж ас-салатин* («Корона царей»)...» (Dr. Farish A.Noor. From the 'Taj us-salatin' to Shanon Ahmad's 'Shit': Malay Political Discourse Leaps To A Radical New Register.)

⁴³ По мнению автора термина, Д.Ломбара, к этой группе сочинений принадлежит, помимо «Короны Царей», законодательные трактаты *undang-undang* (уложения).

⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Jelani Harun*. Kitab Kumpulan Ringkas Berbetulan Lekas.

них был известный малайский писатель-просветитель Абдуллах бин Абдулкадир ал-Мунши (1796–1854), который рассказывал, что, поступая на службу секретарем к Стэмфорду Рэффлзу, бывшему в те годы губернатором о. Ява, он смог определить его характер по физиогномическим приметам, перечисленным в «Короне царей»⁴⁵. В своей «Истории путешествия в Келантан» писатель вновь обращается к книге Бухари, адресуя своим венценосным современникам следующие слова:

«Не забывай, государь, что Всевышний Аллах в загробной жизни взыщет с государя обо всем его народе. И еще знай, что первыми в ад попадут цари, тиранившие свой народ, а первыми в рай попадут справедливые владыки. Не думай, что царь выше и достойнее своих подданных, он — самый ничтожный и жалкий, он — раб всех рабов Господних... Поэтому всем царям надлежит иметь книгу *Тадж ас-салатин*, что означает „Корона царей“ и заглядывать в нее ежедневно, искать знающих людей и учиться у них, прислушиваться к советам благочестивых, дабы ты, государь, знал, как поступают добродетельные цари, а как — тираны»⁴⁶.

* * *

Настоящее издание является переводом текста «Короны царей», опубликованного в 1827 г. в арабской графике с параллельным переводом на голландский Ф.П.Роордой ван Эйсингой (1796–1856). Отставной военный, он начиная с 1819 г. состоял на службе в гражданской колониальной администрации Нидерландской Ост-Индии. Этот период истории Нидерландов был отмечен изменением тактики государства в отношении колоний, стремлением «повернуться лицом» к местному населению. Получив назначение в Департамент по туземным вопросам, Ф.П.Роорда ван Эйсинга становится одним из активнейших проводников этой политики. Необходимым условием успешной карьеры чиновника Департамента было изучение местных языков, и Ф.П.Роорда ван Эйсинга в своем служебном рвении не ограничился малайским, яванским и сунданским языками, что полагалось ему по должности, но овладел вдобавок арабским, персидским и хинди.

Совершив путешествие по островам Нидерландской Ост-Индии, он впоследствии опубликовал о нем подробнейшие записки. В 1822 г. усилиями Ф.П.Роорды ван Эйсинги в Батавии основывается первая

⁴⁵ *Винстедт Р.* Путешествие через полмиллиона страниц, с. 165.

⁴⁶ Цит. по предисловию Х.Хуссейна к книге: *Bukhari al-Jauhari*. *Taj us-salatin*, с. XIII–XIV.

SUMMARY

Taj as-Salatin

Composed in 1603, the book of counsel *Taj as-Salatin* (“Crown of Sultans”) became the first in the Malay world and the most outstanding specimen of the Mirror-for-princes genre, widespread all over the Arab-Muslim cultural area. The book spoke about the qualities required of a ruler, the way of carrying on the functions of the head of state, and reflected the growing interest of Malay Muslim elites for literatures and history of Muslim countries as well as their special concern for including the Malays into the mainstream of Islamic culture.

Up to the latest times, students of the Malay written tradition had no proved evidence whether *Taj as-Salatin* was an authentic Malay composition, created under Arab or Persian influence, an imitation or a mere translation of an unknown Persian mirror. Its author, of whom only the name — Bukhari al-Jauhari — is known, refers to about fifty Arab and Persian *adab* works he used when writing his book, from which he picked up a number of short stories illustrating the main topic of each chapter.

Despite the abundance of references used by Bukhari, almost all of them (*hadiths* and Quranic quotations excluded), turned out to be not authentic. The basic sources, actually used but never mentioned by the author, were two books by one of the greatest Muslim thinkers, Abu Hamid al-Ghazali (1058–1111) — *Nasihah al-Muluk* (“The Book of Counsel for Kings”) and *Kimiyya-yi sa’adat* (“The Alchemy of Happiness”). From all the other references mentioned by Bukhari the only authentic ones were *Aqid* (“The Creed of Islam”) by Najm ad-Din an-Nasafi (d. 1142) and the so-called *Ahd-name Umar* (“Pact of Umar”) taken, most probably, from another didactic treatise, *Siraj al-Muluk* (“The Light of Kings”) by al-Ghazali’s contemporary and rival — Muhammad ibn Walid at-Turtushi (1060–1126). It is evident, therefore, that for Bukhari the main sources of inspiration and examples to follow were not the Persian mirrors of the Mughal era, as it was generally supposed, but mostly the religious, philosophical and political writings of the 12th century.

Научное издание

**ПАМЯТНИКИ
МАЛАЙСКОЙ КНИЖНОСТИ
XV–XVII вв.**

Повесть о победоносных Пандавах

*

Бухари ал-Джаухари
Корона царей

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *Т.А.Аникеева*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректор *И.Г.Ким*

Подписано к печати 09.06.11
Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная
Усл. п. л. 40,5. Усл. кр.-отг. 40,7. Уч.-изд. л. 38,2
Тираж 800 экз. Изд. № 8344. Зак. № 2025

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
127051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
www.vostlit.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-036355-7

9 785020 136355 7